

ВОЙНА 1812 ГОДА В КНИГАХ ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ «ДЕСЯТЬ ЛЕТ В ИЗГНАНИИ» И АРМАНА ДЕ КОЛЕНКУРА «МЕМУАРЫ» (ЛИЦА, СУДЬБЫ, ПЕРСОНАЖИ)

Новое обращение к сочинениям Жермены де Сталь и Армана де Коленкура представляется сегодня необходимым, поскольку речь идет об их переизданиях, осуществленных в начале третьего тысячелетия. Они вновь, как в прежние века, снабжены интересными комментариями и замечаниями. Что касается книги Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании», она вообще по-русски в полном переводе представлена читателям впервые. Известный исследователь французской литературы XIX в. и, в частности, специалист по творчеству Жермены де Сталь В.А. Мильчина перевела эту книгу заново и целиком. В XIX и в начале XX в. из книги де Сталь на русский язык переводили лишь отдельные выдержки.

Так называемая *русская часть «десятилетнего изгнания»* («Путешествие по России») впервые была переведена Надеждой Ржигой в 1912 г. для журнала «Русский архив». Этот текст был перепечатан в издании «Россия первой половины XIX века глазами иностранцев» (Л., 1991). Именно в переводе Н. Ржиги прозвучали комментарии к творчеству де Сталь знаменитого исследователя французской литературы, театроведа С.Н. Дурьлина в журнале «Литературное наследство» (1939 г.), которые впоследствии часто цитировали критики-современники. Второй перевод (тоже только русской части книги) был исполнен Н.П. Анисимовой и вышел в малотиражном издании «Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы» (Тверь, 1993).

В.А. Мильчина не только перевела книгу де Сталь целиком, но и очень подробно прокомментировала ее, представив в своем предисловии ее мемуары в контексте творчества писательницы и размышлений, ее так называемой «философической географии». Что под этим нужно понимать? Дело в том, что изображение путешественником чужой страны в разные эпохи есть часто «плод тенденциозной концептуализации, зависящей от множества факторов: личных убеждений пишущего, идеологической моды, исторической ситуации, степени изученности данной страны»¹. Когда происходит не зависящее от автора подчинение географии неким философским конструкциям как раз и возможно говорить о «философической географии». На госпожу де Сталь в начале ее размышлений очень большое влияние оказал Монтескье с его «климатической теорией». Он считал Юг (Азию) родиной рабства, а Север (Европу) - отечеством свободы. Согласно этой теории, психические и моральные свойства народов объясняются географическими и моральными особенностями тех стран, где эти народы проживают. Ж. де Сталь пошла еще далее Монтескье и добавила к этим его наблюдениям общее разделение народов, даже независимо от географии, на «северные и южные», а вместе с ним и разделение квинтэссенции духовности - европейских литератур - также на «северные и южные». И эти ее, как бы сегодня могли сказать, «националистические размышления» вовсе не были исключением в ее время, в ее эпоху, потому что, оказавшись волей судьбы в Германии и написав книгу о немецкой литературе, новой и незнакомой французам, *романтической*, она, как выяснилось, оказалась *предательницей* по отношению к литературе родной. Когда де Сталь изгоняли из Франции по настоянию Наполеона, министр полиции Савари написал ей: «Я счел, что воздух нашей страны Вам не подходит, мы же не дошли еще до того, чтобы брать за образцы народы, кои вас приводят в восхищение. Последнее ваше сочинение писано не французским пером». И это суждение было очень серьезным: по сути, автора обвиняли в отсутствии патриотизма.

В книге «О Германии», о которой шла речь, де Сталь вела речь далеко не только о литературе, она рассматривала, и вполне в духе своего времени, национальный характер немцев и их национальную мораль. Выводы де Сталь встревожили Наполеона, поскольку писательница поставила *северную* литературу выше *южной*, немецкий романтизм выше французского классицизма. Германофильство, а до него еще и англофильство Ж. де Сталь воспринималось как политический вызов, хотя совсем не являлось таковым. Французской писательнице нужна была интеллектуальная атмосфера Франции, в которой она выросла как французский автор, парижское общество, которое, как ей казалось, могло образовать даже людей неотесанных, и родной климат. Категория «национального» была для этой женщины совершенно необходима. Неоднократно она повторяла: «Нет ничего хуже, чем утратить звание нации».

Научили ли ее этому немцы? Отнюдь нет. О человеческих типах и характерах до нее рассуждали и Ж.-Ж. Руссо, и Лабрюйер, очень тонко выделявшие особенные черты характера не только французов из разных волостей, но испанцев, англичан, итальянцев. На протяжении всего XIX в. национальные типажи возникают во всех видах искусств и в литературе. По поводу каждого из европейских народов мы встречаем долгие рассуждения, достойные отдельного разговора. Они тем более любопытны, что в наш век и в наше время к активному сравнению и изучению народов и народностей возвращаются специалисты по межкультурной коммуникации, выделяя черты современных европейцев с позиций

ведения бизнеса и дипломатии, туристической активности и спортивных соревнований.

Кое-что стерлось из того, что было в прошлом, но некоторые наблюдения эпохи романтизма и до сих пор кажутся актуальными. Например, де Сталь пишет о французах и конкретно о подражании всему французскому у других народов в книге «О Германии» (ч. 1, гл. 9), объявляя, что французам свойственен «разговор приятный и занимательный, почти из ничего возникающий, разговор, которому от прелести выражений сообщается заманчивость, который доставляет немалое удовольствие. Можно утвердительно сказать, никого не обижая, что одни только французы способны продолжать разговор такого рода»². Рассуждая подобным образом, тихо и непредвзято, де Сталь много доброго сказала и о немцах, и еще более - о русских в знаменитой в России русской части своей книги «Десять лет в изгнании». Прежде всего, как ей показалось, она изначально обманулась в расстановке акцентов на народы северные и южные. Русские, вроде бы народ северный, у них так холодно зимой, и все же, русские, с ее точки зрения, народ не слишком северный. Писательница сформулировала свое видение этих людей следующим образом: «Русские имеют вид южного народа, обреченного жить на севере». Эта мысль у нее повторяется многожды. Но при этом русские никак не похожи на французов, вот беда. И прежде всего ей кажется, что русские не способны на беседы, к которым она привыкла у себя в стране, в интеллектуальной среде, потому что они-де недостаточно размышляют.

Думается, это суждение надо оставить под вопросом, а вот следующее общее суждение в ее интерпретации привести целиком.

«К счастью для русских, они по-прежнему остались народом, который мы именуем варварским, иначе говоря, ими движет инстинкт - подчас благородный, всегда невольный и предполагающий раздумья при выборе средств, но не при рассмотрении цели; я сказала, к счастью для русских, не потому что намерена восхвалять варварство, но потому что под этим словом я разумею некую первобытную энергию, которая одна способна заменять нациям удивительную мощь, даруемую свободой». У русских «пламенная воля», для которой нет ничего невозможного. Для России вообще трудно найти место на философически-географической шкале. С точки зрения Жермены де Сталь, русские имеют более сходства с народами юга, чем с азиатами.

Исходя из этих общих суждений, из умозаключений о русской нации, де Сталь дает оценки отдельным русским, на ком ее память задержалась в книге воспоминаний. Из комментариев к мемуарам «Десять лет в изгнании», написанных ее сыном Огюстом (барон де Сталь-Голштейн), можно понять, что записи для этой книги были сделаны де Сталь в дни, часы и минуты пребывания в России. Она вела путевые заметки, но общее изложение увиденного и правка текста состоялись потом. Отсюда невольно в ее суждения вкрались неточности, которые были и в первых переводах, но остались без комментария. В книге В.А. Мильчиной выверен каждый шаг писательницы, все ее контакты, встречи, реплики и лица, встречавшиеся с ней.

Обратимся к некоторым из этих лиц, которые встречаются также в другом популярном издании на тему войны 1812 года - в книге Армана де Коленкура «Мемуары (Поход Наполеона в Россию)». Коленкур не рассуждает о нациях, но его доброжелательность к русским и России у человека неподготовленного может вызвать удивление. Наполеоновский генерал, посол в России накануне войны 1812 года, участник военных событий с вражеской стороны, совершенно очевидный противник, даже враг, а пишет о России и русских, особенно об императоре Александре, с нежностью и мудростью человека, предвидевшего исход военного противостояния русских и французов. Все его беседы с Наполеоном свидетельствуют о том, что он ярко и точно излагал русскую точку зрения, русский подход к вопросу, русское его видение. И если ему не удавалось убедить Наполеона, то только потому, что эта харизматическая личность имела про себя, ни с кем не делилась, совсем другие планы, это был человек, видящий этот мир по-своему, т. е. это был Наполеон, и этим все сказано. Хочется подчеркнуть, что написанные постфактум по отношению к военным событиям мемуары Коленкура, конечно, написаны без глубокого критического отношения автора к самому себе. Автор поневоле слегка себе льстит, но общая линия его поведения передана правильно. Кроме того, современники, как во Франции, так и в России, высоко отзывались о нем. Автор вступительной статьи к мемуарам Коленкура В. А. Волков приводит о нем слова Ф. Сегюра: «Он склонен более к неустойчивости, чем к лести» и суждение Александра I: «В его душе есть что-то рыцарское, это честный человек».

Мне представляется интересным сравнить некоторые лица в книге Жермены де Сталь с теми же лицами в книге Армана де Коленкура. Де Сталь - писательница и жена посла Швеции во Франции, сама дипломат, умеющая выяснить все, что ей нужно, в тонкой светской беседе. И в Москве, и в Петербурге было немало противников де Сталь, считавших ее не столько отверженной Наполеона, сколько его шпионкой. Арман де Коленкур - профессиональный военный и дипломат, посол в России (1807-1812), лицо, приближенное к Наполеону и знавшее Россию очень пристально. Иначе говоря, это люди одного

круга, умело держащие перо и весьма благосклонные к стране, о которой пишут.

Помимо Наполеона и Александра I (о видении каждым из этих авторов центральных исторических фигур речь впереди), есть еще немало русских людей, бывших в русском обществе на виду, на первом плане. Для начала сравним тех русских вельмож, дипломатов, военачальников, с которыми оба автора, де Сталь и Коленкур, встречались в официальной и неофициальной обстановке.

Александр Дмитриевич Балашов (1770-1837), с июля 1810 по март 1812 г. занимавший должности министра полиции и петербургского военного губернатора, в апреле 1812 г. был с этих должностей уволен и в качестве адъютанта от Александра I прибыл с письмом в ставку Наполеона в окрестностях Вильны 26 июня означенного года. Он ожидал ответа на привезенное от русского государя письмо. Наполеон, как следует из источников, беседовал с ним дважды, один раз утром, другой вечером, и эти разговоры Наполеона с Балашовым были затем предметом острого обсуждения русских людей и иностранных дипломатов. О самом содержании беседы мадам де Сталь могла слышать как в московских, так и в петербургских салонах, либо находясь в Стокгольме. Что же касается Армана де Коленкура, то он лично присутствовал на этих встречах французского императора с русским гонимым.

Де Сталь: «В разговоре с г-ном Балашовым император Наполеон пустился в непостижимые откровенности, в которых мы могли увидеть следствие простодушия, если бы не знали, что для вящего устрашения император любит показывать, будто он выше любых расчетов. Неужели вы думаете, - спросил он у Балашова, - что мне есть дело до этих якобинцев-поляков? В самом деле, несколько лет назад г-н де Шампаньи письменно известил канцлера Румянцева о том, что Наполеон предлагает вычеркнуть из всех европейских трактатов слова "Польша" и "поляки". Какое несчастье для поляков, что император Александр не принял титул польского короля и не позволил всем великодушным существам сочувствовать интересам этой угнетенной нации. Император в присутствии министра полиции осведомился у г-на Коленкура, бывал ли тот в Москве и что представляет собой этот город. Коленкур отвечал ему, что Москва скорее показалась ему похожей на большую деревню, нежели на столицу. А сколько в ней церквей? - продолжал свои расспросы Наполеон. Около тысячи шестисот, - отвечал г-н де Коленкур. Непостижимо, - изумился Наполеон, - разве в наши дни кто-то еще верит в Бога? - Да, ваше величество, - подтвердил г-н Балашов, - в него верят русские и испанцы. Прекрасный ответ, вселявший надежду, что москвичи станут кастильцами Севера»³.

Коленкур: «Балашев привез письмо от императора Александра, и ему было поручено сделать на словах заявления, соответствующие содержанию письма, а именно запросить о мотивах этого нашествия среди полного мира, без всякого объявления войны...

Балашев был хорошо принят императором, который пригласил его на обед вместе с князем Невшательским, герцогом Истрийским и мною. Я был более чем удивлен этой милостью, которая, впрочем, не могла относиться лично ко мне, так как император давно уже отучил меня от этих милостей. Император прекрасно отнесся к Балашеву и много разговаривал с ним. Во время послеобеденной беседы его величество сказал, обращаясь ко мне:

- Император Александр хорошо обращается с послами. Он думает, что своими любезностями делает политику. Из Коленкура он сделал русского.

- Это был обычный упрек... Вскоре он отпустил Балашева.

Перед обедом император поручил мне повидать этого генерала и сообщить ему, что он даст ему своих лошадей для возвращения в расположение русской армии... Когда Балашев вышел от императора, его величество шутя сказал мне, что я напрасно рассердился на его слова о том, что я сделался русским; с его стороны это была лишь любезность с целью доказать императору Александру, что я не забыл знаки его благосклонности... Его армии не смеют дожидаться нас, они уже не спасают ни чести своего оружия, ни чести правительства. Не пройдет и двух месяцев, как русские вельможи принудят Александра просить у меня мира»⁴.

Известно, что Ж. де Сталь записала в своем «Путевом дневнике» (по сути, черновике «Десяти лет изгнания»), что речь у Балашова с императором шла о судьбе Валахии, столица которой еще была занята русскими войсками, однако России Бухарест уже не принадлежал, и, согласно мирному договору, подписанному в Вене, вся Валахия отходила к Турции. Об этом опальная французка знала из разговора с французскими дипломатами. Но русскому читателю, разумеется, интереснее знать, что думал Наполеон о России и ее православных верующих. Сам Балашов, как это известно из его собственных записок и книги Н.Ф. Дубровина «Отечественная война в письмах современников 1812-1815 гг.» (СПб., 1882), уверил Наполеона, что в Москве 240 церквей.

Подсчет московских церквей был проблемой, которая многих иностранцев очень интересовала. Цифра, приведенная де Сталь (1600 церквей), тоже не была верна, поскольку в «Considerations sur la Revolution francaise» (Р.: Tallandier, 1983) их названо 1800. И эта цифра, возможно, восходит к книге ганноверского резидента Ф. Х. Вебера «Преобразованная Россия (1721) («Новые записки о настоящем состоянии Руси, или Московия» (1725)). Вебер, в частности, сообщал, что «в Москве уже есть полторы тысячи церквей, но местные жители хотят довести их число до 1600». В книге Леклерка (Leclerc N.-G.

Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne., P., 1785) их названо 270 и добавлено, что есть «множество часовен». У Кокса *^*охе W. Voyage en Pologne, Russie, Suede, Danemarq etc., traduit en francais par M.P.-H. Mallet. Geneve, 1786) их названо «более тысячи»⁵.

По поводу силы веры русских де Сталь воскликнула: «Прекрасный ответ, внушавший надежду, что москвичи станут кастильцами Севера». Это значило, что русские будут оказывать французским войскам такое же сопротивление, какое оказывали им испанцы. С 1808 по 1813 г. они вели против французов партизанскую войну, окончившуюся поражением завоевателей.

Обмен устными репликами между Наполеоном и А.Д. Балашевым обсуждался во многих устных разговорах современников. В частности, существуют воспоминания А.Г. Хомутовой, написанные в 1830-х годах, задолго до публикации собственных записок А.Д. Балашова о его беседе с Наполеоном (Русский архив. 1891. Кн. 3. С. 316). Из простого сопоставления цифр, дат, изданий, исследований о Московии можно сделать заключение, что неверны все цифры, поскольку их разброс очень велик. Из поздних источников мы знаем, что в Москве было «сорок сороков», т.е. 1600 церквей, но это фиксировали уже после пожара 1812 г., а так ли много церквей было накануне взятия Наполеоном Москвы, это неизвестно. Единственное, что можно сказать уверенно, что церквей и часовен было много, очень много.

В «Мемуарах» Коленкура тот же герой дня адъютант Александра Балашов предстает в несколько ином контексте и с другими репликами. Его появление стало причиной разговора о «русскости» Коленкура, т. е. о его знании русских изнутри и явной к ним симпатии и, в основном, об откровенном желании Наполеона «отбросить русских в их льды», чтобы по крайней мере в течение 25 лет они не значили ровно ничего в политических делах Европы. Если в соприкосновение с цивилизацией русских привел раздел Польши, то теперь нужно было, чтобы «Польша откинула их на свое место». Прошло то время, когда Екатерина делила Польшу и могла напугать Людовика XV в Версале, и в то же время «ее превозносили все парижские болтуны». С точки зрения Наполеона, Александр I слишком возгордился, в особенности после Эрфурта. Приобретение Финляндии еще более вскружило Александру голову: «Если ему нужны победы, - сказал Наполеон, - пусть бьет персов».

Следует ко всему этому добавить, что при изучении материалов для романа «Война и мир» Лев Толстой узнал, что на вопрос Наполеона, обращенный к Балашову о «дороге, ведущей в Москву», он будто бы произнес ту фразу, которую русский писатель решил привести в своем романе: «Русские, как и французы, говорят, что все дороги ведут в Рим. Можно выбрать любую дорогу на Москву. Карл XII выбрал дорогу через Полтаву». Таким образом, можно сделать заключение, что разговор Наполеона с Балашовым при закрытых дверях уже очень вскоре был растащен по фразам.

Теперь поговорим по поводу других *вельмож, которые сдадут своего государя*, по мнению Наполеона. Обратим взор на некоторых из них. Вот Александр Львович Нарышкин (1760-1826), обер-гофмаршал с 1798 г., обер-камергер с 1801 г., директор императорских театров (1799-1819). Про его дом-дачу, гостеприимство подробно рассказывает де Сталь в «Десяти годах изгнания», а про его сына (не называя его имени, обозначая его просто как «сын обер-камергера Нарышкина») достаточно подробно рассказывает Арман де Коленкур.

Де Сталь: «Целый день я провела в загородном доме обер-камергера г-на Нарышкина, человека любезного, покладистого и учтивого, но не могущего прожить ни дня без праздника; имея дело с ним, можно составить исчерпывающее представление о живости вкусов, объясняющей недостатки и достоинства русских. Дом г-на Нарышкина всегда открыт; если в нем не гостят два десятка человек, философическое уединение становится хозяину в тягость. Предупредительный с иностранцами, ни минуты не сидящий на месте и, тем не менее, в высшей степени способный к размышлениям, без которых невозможно правильно держать себя при дворе, готовый скорее раздарить свое состояние, чем расплатиться с кредиторами, жадный до радостей воображения и умеющий черпать их лишь из вещей, но не из книг, скучающий повсюду, кроме придворных зал, остроумный тогда, когда это ему выгодно, любящий роскошь более из щедрости, нежели из тщеславия, он ищет повсюду некоего азиатского великолепия, говорящего более о его богатстве и положении в обществе, нежели о достоинствах, принадлежащих ему лично.

Стол у г-на Нарышкина, по-восточному обыкновению, ломился от фруктов, с той лишь разницей, что фрукты прибыли сюда из самых разных стран, что же касается мяса и овощей, то многочисленные слуги подносили их каждому гостю особо»⁶.

Коленкур: «Сын обер-камергера Нарышкина, адъютант Винцингероде, стоял с несколькими казаками недалеко от наших постов. Видя, что Винцингероде не возвращается, он осведомился у местных жителей, что произошло с генералом. Они сказали, что его только что арестовали. Тогда не возвещая о себе сигналами горниста, не вызывая какого-либо офицера или унтер-офицера для переговоров, он отправился к французскому посту, чтобы добровольно сдаться в плен, для того, чтобы иметь честь не покидать своего начальника.

Винцингероде был признан военнопленным и отослан во Францию со своим адъютантом. Я снабдил

Нарышкина деньгами, а на следующий день, побывав в нашем обозе, послал ему пальто, так как на нем не было ничего, кроме мундира»⁷.

Комментируя эти два пассажа, посвященные отцу и сыну Нарышкиным, можно сказать следующее. Дачу, на которой побывала де Сталь, Александр Львович унаследовал от отца, обер-штабмейстера. Об этой мызе под названием «Га! Га!» интересно рассказывает Пыляев в «Старом Петербурге» (СПб., 1889). Дача Нарышкина стояла недалеко от Финского моря, или, иначе, от Финского залива у Петергофской дороги, в самом благоустроенном из пригородов Петербурга. В «Путевом дневнике» де Сталь особенно отметила «кроткое лицо Марии Алексеевны Нарышкиной, хозяйки дома». Психологический портрет этой четы можно увидеть также в «Записках» Ф.Ф. Вигеля (М., 2000), однако этот автор отметил у Марии Алексеевны не кротость, а «крутой нрав, благородные чувства, бережливость и аристократическую гордость».

О сыне этой пары, находившемся в плену, не случайно позаботился Коленкур: он знал, что Нарышкины - семейство, близкое к Александру. Однако действия самого молодого Нарышкина, добровольно отправившегося вслед за своим генералом в плен, надо рассудить, очевидно, как чувство долга и патриотизма. Винцингероде обвиняли в шпионаже и подстрекательстве французских солдат к дезертирству, и обвинения эти, конечно, были недалеки от истины, но Винцингероде вел себя достойно. Наполеон, лично побеседовавший с ним, упрекал его в том, что он служит России, будучи «по рождению немцем и подданным страны, которая находится под верховенством Франции» или, «во всяком случае, в союзе с ней», и прибавил, что раз Винцингероде является его подданным, то он предаст его военному суду, который официально ему предъявит обвинение в шпионаже.

О манере французского императора беседовать, говорить вещи абсолютно противоположные, часто противоречащие одна другой, упоминают многие из знавших Наполеона близко. К тому же император от всех своих собеседников требовал, чтобы на каждую его речевую посылку ему тотчас давали ответ, т. е. он каждого пытался «прощупать на гибкость». С русскими, однако, часто случался прокол, он наткался на стену. Они его удивляли.

А вот еще один вельможа, для которого нашлось достойное место в воспоминаниях де Сталь и Коленкура, граф Федор Васильевич Ростопчин (1763-1826), служивший в Коллегии иностранных дел с 1798 г. Однажды он был уволен Павлом I, который поначалу к нему очень благоволил. Поворот Павла к сближению с первым консулом Франции произошел еще при Ростопчине, бывшим в молодые годы активным сторонником союза с этой страной. При Александре I Ростопчин долгое время оставался не у дел из-за нерасположения к нему императора. Главнокомандующим в Москве он был назначен 29 мая 1812 г. и занимал эту должность до августа 1814 г.

Вот как его представляет Жермена де Сталь: «Знаменитый граф Ростопчин, чье имя постоянно упоминалось в бюллетенях императора, приехал ко мне с приглашением на обед. Разговор его, исполненный оригинальности, показывал, что если обстоятельства того потребуют, он обнаружит характер весьма решительный. Я отправилась к нему в усадьбу, расположенную внутри городской черты; чтобы туда попасть, следовало проехать мимо озера через лес; при подходе Наполеона к Москве граф Ростопчин сам поджег эту усадьбу, одну из уютнейших во всей России. Казалось бы, подвиг столь славный не мог не вызвать восхищения даже у врагов. Император, однако же, уподобил Ростопчина Марату, забыв, что первый жертвовал собственным достоянием, второй же губил чужое».

Коленкур: «Значительная часть города была превращена в пепел: северная часть его, более близкая к Кремлю уцелела, потому что ветер повернул на запад... Прекрасные дворцы, окружающие Москву, были спасены от разрушительных замыслов; только дворец губернатора Ростопчина, который выставил напоказ свою решимость - он считал несомненно ее весьма патриотической, объявив о ней в афише на дорожном столбе в его подмосковном имении Воронове. Афишу принесли императору, который высмеял этот поступок. Он много говорил о ней в этом духе и послал ее на посмешище в Париж, но там, как и в армии, результат был совершенно противоположный. Афиша произвела глубокое впечатление на всех мыслящих людей и, по крайней мере, поскольку речь шла о поступке Ростопчина, пожертвовавшего своим домом, она встретила больше одобрения, чем критики. Вот ее текст. «В течение восьми лет я жил здесь счастливо в лоне семьи. Жители этой земли, числом до 1720 душ, покидают ее при вашем приближении, а я поджигаю мой дом, дабы он не был запятнан вашим присутствием. Французы, я оставил вам два моих дома в Москве с обстановкой стоимостью в полмиллиона рублей; здесь вы найдете только пепел»⁸.

В рассказах о Ростопчине оба французских мемуариста высказываются единодушно, но известно, что в «Путевых заметках», написанных в Москве, де Сталь так называемую афишу Ростопчина квалифицировала как «прокламацию деспотическую и жестокою». Она не описала подробно свое пребывание на обеде у Ростопчина, где в тот день были - это известно (см.: М.П. Погодин. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866) - Карамзин с женою. Писатель Карамзин был совершенно не в духе де Сталь, она знала его как неинтересного собеседника и сухого прозаика в стиле Мармонтеля и, вероятно, поэтому никак не отметила его присутствие.

Существует также описание разговора Карамзина с Ростопчиным, сделанное чуть позднее, 27 августа (8 сентября 1812 г.), на следующий день после Бородинского сражения, в ситуации совершенно исключительной, и среди своих, без посторонних. Именно после этого разговора Карамзин стал называть Ростопчина «вождем нации», а Ростопчин, по примеру и не без участия которого в ликвидации пожарных средств стали поджигать и другие дома в Москве, прослыл как «поджигатель». Однако он был нетривиальной, артистической натурой и писал все новые и новые воззвания к москвичам на задиристом русском языке: «Московский мещанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке, услышал, что будто Бонапарт хочет идти на Москву, рассердился и, разругав скверными словами всех французов, вышед из питейного дома, заговорил орлом так: "Как! К нам?.. Полно тебе фиглярить: ведь солдаты твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопоятся, от щей задохнутся, а которые в зиму-то останутся, так крещенские морозы поморят. Да знаешь, что такое наша матушка Москва? Вить это не город, а царство..."» Ростопчин пишет как священный толкователь событий, фольклорный царь, а не как генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве - народном центре России. Не то Карамзин, сухарь и рационалист. Де Сталь знала о том, что Карамзин пишет историю России, и в одной из ее записных книжек есть следующая строчка: «Карамзин уберег свою историю от московского пожара». Эту информацию, как указывает В.А. Мильчина, она получила скорей всего от Д.Н. Блудова, советника русского посольства в Швеции.

Так в каком же доме Ростопчина была в гостях Жермена де Сталь? Скорей всего французская писательница побывала на даче Ростопчина, располагавшейся у Сокольнической заставы. Помимо этого, Ростопчину принадлежал дом на большой Лубянке (оставшийся невредимым после ухода французов из Москвы) и подмосковная усадьба Вороново, расположенная на Старой Калужской дороге (великолепный трехэтажный дом, окруженный парком). Именно этот дом Ростопчин и сжег, прибыв записку на французском языке к церковной двери.

А.С. Пушкин, который вывел госпожу де Сталь в повести «Рославлев», вероятно, довольно точно описал ее глазами русских следующим образом: «Воспоминания светской жизни обыкновенно слабы и ничтожны, даже в эпоху историческую. Однако появление в Москве одной путешественницы оставило во мне глубокое впечатление. Эта путешественница мадам де Сталь. Она приехала летом, когда большая часть московских жителей разъехалась по деревням. Русское гостеприимство засуетилось: не знали как угостить славную иностранку.

Разумеется, давали ей обеды. Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки... Ждали от нее поминутно *bon-mot*; наконец вырвалось у ней двусмыслие, и даже довольно смелое. Все подхватили его, захохотали, поднялся шопот удивления. Она сказала каламбур, который они поскакали развозить по городу»⁹.

С.Н. Дурылин в статье «Г-жа де Сталь и ее русские отношения», опубликованной в упоминавшемся «Литературном наследстве» (1939), отмечает, что настроения Ростопчина в отношении к Франции менялись от поклонения до полной своей противоположности, и то же самое можно сказать о его отношении к Ж. де Сталь. Получив письмо от киевского губернатора Милорадовича, уже принявшего в Киеве французскую писательницу, Ростопчин сам напишет ей: «Сударыня!.. всякий предупредительный человек поспешит доказать Вам права ваши на его предупредительное участие». Однако очень вскоре она ему надоест, поскольку эта женщина бесконечно начинает твердить о том, что он должен защищать ее, только ее одну, от Наполеона («Вы не знаете этого человека, он способен на все!») и послать ее сопровождать в Петербург чуть ли не отряд кавалерии. Ему кажется, что она переоценивает себя, и вообще ему не до нее, он главнокомандующий Москвы. Когда он напишет свою «Картину Франции в 1823 году», он назовет ее «сорокой-заговорщицей» (*pie-conspiratrice*), перефразировав название оперы Россини «Сорока-воровка» (*Pie-voleuse*). Французский литератор Жуи, когда пытался воспроизвести беседу Ростопчина с де Сталь о русской нации, говорил, что это была непрерывная пикировка, постоянный спор о достоинствах и недостатках русских. Но по прочтении русской части «Десяти лет изгнания» каждый может убедиться, как позитивно в целом Жермена де Сталь оценивала русскую нацию. Упреки в ее адрес графа Ростопчина были вызваны, по-видимому, тем, что она более благоволила Кутузову, серьезному оппоненту московского губернатора на театре военных действий. Два главнокомандующих, один из них - только Москвы (кому-то невольно виделось - и настоящей России) не раз сшибались лбами в сентябре 1812 г.

Коленкур, бывший сам свидетелем пожаров и принимавший участие вместе с конюхами и берейторами в тушении пожара голицынского дворца, как он пишет, в этот мрачный период (сентябрь - октябрь 1812 г.), находясь в Москве, много читал, занимая две маленькие комнаты в Кремле. Мебели у него не было, но он отметил в своем дневнике, что в городе по дешевке можно было приобрести

красивые вещи. За несколько наполеондоров он скупил портреты всех членов царской фамилии; «из этих портретов солдаты устраивали себе шалаши на бивуаках». Это был тот тягостный для французов момент, когда Бонапарт бесконечно жаловался на то, что он никак не может раздобыть сведения о том, что происходит в России, и нельзя было среди французов найти человека, который согласился бы поехать в Петербург или в русскую армию. В конце концов, как известно, уговорили Лористона.

Особого внимания у Коленкура и де Сталь удостоивается Михаил Илларионович Кутузов (1745-1813), главнокомандующий всеми армиями, назначенный еще до оставления французами Смоленска. Они смотрят на него почти так, как смотрят на него русский государь и Россия.

Де Сталь: «Хотя Барклай де Толли пользовался немалым уважением, неудачи в начале кампании отвратили от него общественное мнение, которое прочило ему на смену генерала весьма славного, князя Кутузова. Сей последний был назначен главнокомандующим за две недели до взятия Москвы и добрался до армии лишь за шесть дней до начала великого сражения, разыгравшегося близ этого города, сражения, которое получило название Бородинского. Манеры этого старца исполнены изящества, а лицо - живости, несмотря на то, что за полвека, проведенного в сражениях, он не раз страдал от чудовищных ран и даже потерял один глаз. Признаюсь, глядя на него я опасалась, что ему неостанет сил бороться с наступающими на Россию молодыми жестокими воинами, пришлецами из всех концов Европы; однако русские будучи царедворцами в Петербурге, в армии вновь обращаются в татар. Перед отъездом в армию генерал Кутузов отслужил молебен в Казанской церкви; народ, следовавший за ним по пятам, призывал его спасти Россию. Какое испытание для существа смертного! Преданность отечеству стоила Кутузову жизни. Но ему сладостно было принести ее в жертву: слишком велик был его энтузиазм, им владевший. Есть мгновения, когда ради утоления потребностей души, человеку надо умереть»¹⁰.

Коленкур: «Медлительный характер Барклай изводил Наполеона. Это отступление, при котором ничего не оставалось, несмотря на невероятную энергию преследования, не давало надежды добиться от такого противника желанных результатов.

Эта система, - говорил иногда император, - даст мне Москву, но хорошее сражение еще раньше бы положило конец войне, и мы бы имели мир, так как в конце концов придется ведь этим кончить.

Узнав о прибытии Кутузова, он тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст

Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти ее; он говорил, что благодарен императору Александру за эту перемену в настоящий момент, так как она пришлась ему как нельзя более кстати. Он расхваливал ум Кутузова, он говорил, что с ослабленной деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии»¹¹.

Оба источника, столь же художественные, сколь документальные, зафиксировали радостное известие о назначении Кутузова на высокую военную должность, причем любопытно, что оно обрадовало как русский народ, так и Наполеона и его приспешников, хотя причины были разные. Жермена де Сталь, приветствуя приход Наполеона, переняла настроение своих петербургских собеседников, желавших, чтобы Кутузов сменил Барклай на посту главнокомандующего. В своем «Путевом дневнике» она записала: «Князь Кутузов. Приятные манеры царедворца». В книге С.Н. Глинки «Записки о 1812 году» (СПб., 1836) описывается встреча Кутузова с де Сталь и, в частности, приводятся те любезности, которыми обмениваются оба. Она называет Кутузова человеком, «от которого зависят судьбы Европы», он отвечает ей: «Сударыня! вы дарите меня венцом моего бессмертия». Известно также, что когда полководец пожаловался ей на свой преклонный возраст и свое зрение, она произнесла фразу, смысл которой сводился к тому, что его зрение будет достаточно, чтобы «увидеть бегущих с поля римлян». Это была фраза из трагедии Расина «Митридат».

Коленкур тоже был убежден, что генерал Кутузов был назначен главнокомандующим под влиянием русского дворянства. Он указывает дату 29 августа, когда Кутузов прибывает к армии в Царево-Займище, между Гжатском и Вязьмой, которые уже были основательно сожжены. Наполеон в этот момент серьезно думал о мире, а в Петербурге и Москве раздавались воинственные кличи к истреблению врага. Французский дипломат рассказывает доподлинную историю о том, как к Наполеону пришли известия о новом главнокомандующем. В двух лье от Гжатска были захвачены казак и негр. Негр занимался мародерством, а казак вел себя весьма достойно. Именно он объяснил Наполеону, что должны случиться перемены из-за появления нового главнокомандующего. Если бы русские солдаты и, в особенности, генералы, говорил пленный, были похожи на казаков, то французам не пришлось бы «путешествовать по России». Французы дерутся хорошо, но они неосторожны и любят грабить. Задача казаков, по приказу Барклай, заключалась в том, чтобы хватать французов в тот момент, когда они мародерствуют. Если бы не было казаков, то французы уже были бы в Москве. Поскольку под пленным казак был убит лошадь, и он очень об этом горевал, Наполеон распорядился, чтобы русскому казаку выдали новую. Атаман Платов всегда вызывал у него восхищение.

И в завершение стоит обратить внимание на отношение двух сопоставляемых выше авторов к Наполеону - очень важный аспект анализируемых книг. В первой части «Десяти лет в изгнании» де Сталь много и подробно пишет о Наполеоне, своих с ним встречах, первом обольщении этим человеком, как вождем нации и как мужчиной. Все начиналось с увлечения, но шли годы, проходили одна за другой военные кампании и Ж. де Сталь с ее острым умом и невоздержанностью в разговоре, пылком и энтузиастическом, стала для Наполеона лишней фигурой на его шахматной доске. Не раз отделявшийся от своих оппонентов убийствами, неожиданными смертями и казнями по навету, Наполеон решил избавиться от де Сталь, отправив ее в изгнание. Прекрасно понимающая все происходящее во Франции и беззаветно ее любящая, де Сталь решительно противостояла этому человеку и готова была самостоятельно искать тех, кто может его побороть. Заветный ключ она отыскала в России, и, в частности, ее пленил полководец М.И. Кутузов. В процитированном выше отрывке она говорила о жизни и смерти Кутузова, встретив его в тот момент, когда он был полон жизни и его победа была впереди. Дело в том, что она таким образом формулировала самые высокие притязания. Даже ненавидя Наполеона, она желала ему *победы и смерти*. «Антифранцузскость» де Сталь была сильно преувеличена. За каждым ее шагом во Франции и в других странах следили, но ее преданность своей родине была, в отличие от наполеоновской, совершенно в старинном рыцарском духе - безупречна. Да, ее отец финансист Неккер - гражданин Швейцарии, но он очень много сделал для Франции, обогащая и поддерживая свою страну после революции. А вот Наполеон - не француз, а корсиканец или итальянец. Де Сталь родилась на берегах Сены, а Бонапарт завоевал звание французского гражданина лишь ценой тиранства. Он родился вблизи дикой Африки, и хотя французская писательница не называет его варваром, она все равно боится его поступков, порочащих всю французскую нацию. Разве мог французский император терпеть рядом с собой такую женщину, говорящую вольности и умеющую высмеивать?

Отношения Коленкура и Наполеона по природе своей были другими. Маркиз происходил из старинного аристократического семейства, одного из немногих, оставшихся во Франции после низвержения династии Бурбонов, поступил на службу в армию в качестве капитана, и как дворянин попадал под подозрение. Чтобы вернуться в армию, ему пришлось начинать с солдатских чинов. Постепенно продвигаясь по службе, он очень часто попадает под подозрение из-за своего дворянского происхождения, но, отличившись в боях, он был на хорошем счету у командиров, его выделяли как храброго воина, боровшегося с врагами Франции. Сближение с Наполеоном у Коленкура произошло, когда он стал бригадным генералом. Ему дают шекотливые поручения и компрометируют в заговоре, завершившемся убийством герцога Энгиенского. Известно высказывание Наполеона: «Если Коленкур скомпрометирован, тут нет большой беды, он будет служить мне еще лучше». С 1804 г. он - обер-штальмейстер, т. е. заведующий императорской конюшней и службой связи. Коленкур постоянно находился при императоре: подавал ему коня, вожжи, придерживал стремя. Арман де Коленкур ревностно исполнял свои поручения и даже однажды заслони́л императора от неприятельской бомбы.

Как человек служивый, Коленкур не ропщет из-за того, что Наполеон не дает ему жениться на его возлюбленной г-же де Канизи, фрейлине императрицы Жозефины. Де Канизи была разведена, а Бонапарт никак не хотел принять этого завоевания революции. Он удалил Канизи со двора, а Коленкура в 1807 г. направил послом в Россию, где тот сменил Р. Савари. В Санкт-Петербурге А. де Коленкур провел пять лет, проявив недюжинные таланты и заслужив от Наполеона титул герцога Винченского. В России его встретили сначала как «убийцу герцога Энгиенского», но со временем, особенно в беседах с Александром, когда русскому императору были представлены оправдывающие Коленкура документы, отношение к нему переменилось. И Александр, и Наполеон называли его человеком искренним - он действительно хотел предотвратить конфликт между Францией и Россией, и для него открылись двери лучших петербургских салонов. В Эрфурте Коленкур познакомил Александра со своим давним другом и покровителем Талейраном, в лице которого русский император приобрел тайного союзника и личного шпиона при французском дворе.

В Бородинском сражении Коленкур потерял своего брата Огюста-Жана, бригадного генерала, погибшего в последней решительной атаке на русские позиции. Арман де Коленкур оставался со своим императором до конца. Наполеон, оставив жалкие остатки своих войск в декабре 1812 г., возвращался инкогнито под именем господина де Рейнвалья, личного секретаря Коленкура.

Иными словами, Арман де Коленкур был предан Наполеону до гробовой доски: и во время «100 дней», и после поражения французских войск при Ватерлоо. Во время реставрации Бурбонов его хотели арестовать, но помогло заступничество Александра, пригласившего его в Петербург. Однако Коленкур до самой смерти проживал как частное лицо в Париже. Незадолго до своей смерти он заявил при свидетелях: «Не лгут перед лицом смерти. Клянусь честью, что я не имею совершенно никакого отношения к аресту и смерти герцога Энгиенского».

Думается, славная биография Коленкура, подчеркнутые многими его храбрость и искренность должны стать залогом того, что выдумки в его сочинении мало, и все, что им было сказано, вполне

можно брать на веру.

Тот факт, что в данной статье были сближены сочинители или мемуаристы разных позиций, также должен заставить нас думать, что все, удержанное их памятью и стилем высказывания, должно послужить современникам непререкаемым свидетельством прошедшего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании: Пер. с фр. / Ст., коммент. В.А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2003. С. 22.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 200.

⁴ *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию: Пер. с фр. Жуковский: Кучково поле; Гала пресс, 2002. С. 131-132.

⁵ *Сталь Ж. де.* Указ. соч. С. 115.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ *Коленкур А. де.* Указ. соч. С. 311-313.

⁸ Там же. С. 226.

⁹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 415.

¹⁰ *Сталь Ж. де.* Указ. соч. С. 238.

¹¹ *Коленкур А. де.* Указ. соч. С. 181-182.